

В воскресенье Ли Жун передал ключи представителям суда, после чего погрузил в фургон «Цзиньбэй» семь или восемь коробок со своими вещами.

Стоя во дворе, он в последний раз обернулся, чтобы взглянуть на дом, в котором прожил больше десяти лет. Здание стояло на прежнем месте — всё такое же, внешне не изменившееся ни на йоту, но при этом ставшее совершенно чужим.

К счастью, юноша не относился к числу людей, склонных к сантиментам. Он спокойно отвел взгляд, плотнее запахнул куртку и, не оборачиваясь, сел в машину.

Фургон принадлежал семье Линь Циня. Тот увидел в социальных сетях жалобы Цзянь Фу и только тогда узнал о переезде. Линь Цинь страшно корил себя за то, что не пришел на помощь вчера, поэтому сегодня настоял на использовании фургона, на котором его родные обычно развозили товары, чтобы помочь Ли Жуну сэкономить на грузчиках.

За рулем фургона сидел нанятый водитель, а Цэнь Сяо неспешно следовал за ним на своей машине. Ли Жун, как обычно, занял переднее пассажирское сиденье, а Цзянь Фу и Линь Цинь устроились сзади.

Перегнувшись через спинку кресла, Цзянь Фу прошептал Ли Жуну на ухо:

— Слушай, и ты вот так просто уезжаешь?

Ли Жун отдыхал с закрытыми глазами. Услышав вопрос, он приоткрыл веки и задумчиво произнес:

— Вообще-то, можно было бы продать столы, стулья и кровати как подержанные, чтобы выручить немного денег. Да только времени в обрез, покупателей быстро не найти.

Он и правда раздумывал об этом, полагая, что после того, как суд выставит имущество на торги, новым владельцам вряд ли понадобится его старая мебель.

Лицо Цзянь Фу выражало крайнюю степень недоумения.

— Не знал, что ты такой сухарь... Мог бы хоть для приличия всплакнуть.

Вчера он лишь краем коснулся правды, скрытой за официальной версией, и с тех пор чувствовал себя так, будто в груди застрял тяжелый ком.

«Вчера я лишь слегка соприкоснулся с краем этой бездны, — размышлял Цзянь Фу, — а на душе уже так паршиво».

Ему отчаянно хотелось выпытать у родителей подробности дела, но в последний момент он прикусил язык.

«Для моих матери и отца Ли Жун — просто посторонний. Если верхушка «Ланьшу» как-то замешана в этом деле, они вряд ли станут ввязываться. Одно неосторожное слово — и секрет Ли Жуна может быть раскрыт, а улики уничтожены теми, кому это выгодно. Это бы только навредило».

Как говорил его старший брат: всё по-настоящему начнется лишь тогда, когда власть окажется в твоих собственных руках.

Раньше Цзянь Фу плыл по течению, прожигая жизнь и не стремясь к высотам; положение родителей дарило ему чувство финансовой свободы и беззаботности. Но глядя на Ли Жуна, он впервые ощутил ледящую кровь тревогу.

Кем бы ты ни был — председателем Первого района Торговой палаты или почетным профессором «Хунсо», — если тебя решат уничтожить, то лишат и доброго имени, и семьи, и самой жизни. Если он продолжит бездельничать, то в случае беды даже не сможет нанести ответный удар.

Ли Жун усмехнулся и, обернувшись, в шутку пригрозил:

— Тогда тебе стоит быть поосторожнее. Раз уж я такой бессердечный, то и к тебе пощады не проявлю.

Цзянь Фу лишь фыркнул:

— Тебя мне бояться? Да ты такой чахлый, что даже коробку поднять не можешь.

Линь Цинь легонько подтолкнул приятеля локтем и, перебив его, обратился к Ли Жуну:

— Староста, на самом деле, когда начнутся торги, мы могли бы в складчину выкупить...

Ли Жун посмотрел на него.

«В прошлой жизни я и не догадывался, что Линь Цинь — такой отзывчивый «ягненок». Каково же ему пришлось в той компании, если он предпочел забвение и расторжение контракта вечным издевательствам?»

— Спасибо, но правда не стоит.

Цзянь Фу лениво зевнул:

— Да он и слушать не станет, мой брат уже предлагал. Отказался наотрез. Ох, ну и рань, спать охота — помираю.

Цэнь Сяо в буквальном смысле вытащил Цзянь Фу из-под одеяла. Тот и так лег поздно, а теперь, в полубморочном от недосыпа состоянии, помогал грузить вещи.

Ли Жун перевел взгляд на профиль Цэнь Сяо и буднично спросил:

— Тебя в сон не клонит?

Уставший водитель за рулем — это риск, а Ли Жун заботился о безопасности всех присутствующих.

Цэнь Сяо мельком взглянул на него. Одной рукой он удерживал руль, а другой потянулся к подлокотнику между сиденьями:

— Есть немного. Выпью кофе.

У его семейного водителя была привычка всегда держать в машине пару бутылочек кофе — порой во время ночных поездок это спасало.

Цэнь Сяо открыл крышку подлокотника, собираясь достать напиток, но Ли Жун перехватил его руку и вытащил бутылочку сам:

— Следи за дорогой, я помогу.

Раньше, когда Ли Цинли брал Гу Нун и маленького Ли Жуна на прогулку, мальчик с заднего сиденья часто наблюдал, как мать откручивает крышку термоса и поит отца чаем пуэр. Помогать водителю в таких мелочах казалось ему прямой обязанностью того, кто сидит справа.

Ли Жун склонил голову, отвинчивая крышку. Он уже собирался протянуть бутылочку, как вдруг заметил, что Цэнь Сяо пристально на него смотрит.

Ли Жун нахмурился и строго произнес:

— Веди машину нормально.

В прошлой жизни, когда Цэнь Сяо «прятал» его у себя, он уже занимал высокий пост в Третьем районе. Его всегда сопровождал личный водитель, и необходимости садиться за руль самому не возникало. Даже когда они изредка ездили вдвоем, большую часть времени проводили в пикировках, не в силах найти общий язык.

Цэнь Сяо отвел взгляд, но незаметно сбросил скорость.

Ли Жун выпрямился и, подавшись вперед, поднес горлышко к губам Цэнь Сяо. На фоне темного кофе его кисть казалась еще белее — тонкая, с четко проступающим контуром вен. Следы от инъекций на сгибе локтя давно исчезли, оставив кожу чистой и бледной.

Слегка откинув голову, Цэнь Сяо сделал глоток. Его кадык дернулся, когда приторно-сладкий вкус кофе разлился во рту. Ли Жун инстинктивно подставил свободную ладонь снизу, боясь, что капля упадет на дорожную одежду спутника.

— Еще?

Для Цэнь Сяо этот кофе был слишком дешевым — он редко пил растворимый, да и избыток сахара с сухими сливками не жаловал. Но левая рука Ли Жуна замерла совсем рядом с его шеей. При каждом легком изменении скорости большой палец Ли Жуна едва ощутимо касался его кадыка.

В салоне работал кондиционер, и ладонь Ли Жуна была на редкость теплой. От этих прикосновений по коже Цэнь Сяо пробежал легкий зуд.

— Давай еще, — выговорил Цэнь Сяо.

Он не отнимал руку от руля, но другой перехватил пальцы Ли Жуна, удерживая их на месте и не давая больше елозить по кадыку.

Ли Жун почувствовал это властное, но не грубое давление. Он вскинул бровь и с интересом взглянул на спутника.

«Есть же свободная рука, — подумал он. — Что мешало ему просто забрать бутылочку?»

Однако Цэнь Сяо сосредоточенно смотрел вперед с самым невозмутимым видом — будто в его жесте не было и тени скрытого смысла.

В глазах Ли Жуна мелькнула усмешка, но он не стал возражать. Он лишь приподнял бутылочку, позволяя Цэнь Сяо допить. Когда кофе закончился, Ли Жун высвободил пальцы, плотно закрутил крышку и убрал пустую тару обратно в подлокотник.

— Неужели так сильно спать хочется? — многозначительно спросил он.

Он помнил, что в прошлой жизни Цэнь Сяо обычно хватало пяти часов, чтобы полностью восстановить силы. Генетика — штука индивидуальная.

— Поздно лег вчера, — бросил Цэнь Сяо первое попавшееся оправдание.

Ли Жун понимающе кивнул.

— Кхм, не забудь выбросить, когда приедем.

Цзянь Фу снова зевнул во весь рот.

— И мне дайте одну, — пробормотал он невнятно.

Он по привычке постучал по спинке кресла Ли Жуна — крышка подлокотника открывалась вперед, так что доставать оттуда было удобнее тем, кто сидит впереди.

Цэнь Сяо прибавил газу и бросил коротким, сухим тоном:

— Сам возьми.

В глазах Цзянь Фу застыло полное непонимание.

«В дружбе троих один всегда лишний», — внезапно всплыла в его голове фраза, подсмотренная где-то в сети.

Линь Цинь тут же услужливо потянулся вперед:

— Я достану, я!

Он открыл подлокотник, мгновенно выудил закрытую бутылочку и ловко отвинтил крышку. Но едва сделав это, почувствовал неловкость. Цзянь Фу ведь не за рулем, и нужды ухаживать за ним так, как Ли Жун за Цэнь Сяо, не было.

Линь Цинь закусил губу, смущенно протягивая открытый напиток приятелю:

— Вот, держи.

Цзянь Фу такой предупредительности не ожидал. Мало того, что достали, так еще и открыли за него. Он почувствовал странное удовлетворение от того, что о нем заботятся, словно о какой-нибудь кисейной барышне.

— Спасибо, дружище. У тебя совести побольше, чем у этих двоих.

Он с удовольствием приложился к кофе, и тяжесть в груди мгновенно рассеялась.

«Хотя нет. В нашей дружбе четверо, а не трое».

<http://bllate.org/book/15351/1421894>